

Вернувшись на родину, он досконально во всем разобрался и выяснил, что после той аварии согласие на операцию Хэ Гуанъюня подписал именно Фэн Бэй. Только что Хэ Гуанъюнь не сводил глаз с двери — должно быть, в глубине души он надеялся, что Фэн Бэй придет его навестить.

Он был рядом с ним, но в сердце у него всегда жил лишь Фэн Бэй. Сколько бы он ни старался, как бы ни выбивался из сил, тот словно ничего не замечал. Все было в точности как тогда: он с таким трудом уговорил его вместе отпраздновать день рождения, но стоило Фэн Бэю попросить помощи, как он, не раздумывая, помчался за тридевять земель за какими-то документами.

Чжоу Цзюнь опустил голову, и на его губах заиграла горькая усмешка.

В этот момент 502 подал сигнал: — Хэ Жофэн, кажется, приближается к палате.

Только что отыграв свою роль, Се Гуаньцзюй почувствовал усталость. Слегка собравшись с духом, он спросил: — Зачем он пришел?

Зачем пожаловал Хэ Жофэн, можно было понять, даже не задумываясь. Он пролежал в больнице несколько месяцев, так и не увидев Фэн Бэя ни разу. Он рассчитывал, что сегодня, при выписке, хоть мельком его встретит, но вместо этого услышал сплетни медсестер о том, что господин Фэн долго стоял у палаты Хэ Гуанъюня и выглядел при этом крайне расстроенным.

Хэ Жофэн тут же занервничал: что Фэн Бэй делал у двери Хэ Гуанъюня?

Больше всего на свете Хэ Жофэн боялся, что Фэн Бэй и Хэ Гуанъюнь начнут общаться. Если Хэ Гуанъюнь вдруг сойдет с ума и выложит все как было про события во время цунами, то его самозванство будет раскрыто, и тогда ему конец. В те дни Фэн Бэй был без сознания, но Хэ Гуанъюнь дрейфовал с ним несколько суток, зная каждую деталь их выживания.

И этих деталей Хэ Жофэну у него не отнять.

К несчастью для него, Хэ Гуанъюнь был человеком гордым: дважды попытался объяснить все Фэн Бэю, а когда тот не стал слушать, просто махнул рукой. Хэ Жофэн как раз этим и воспользовался — заранее подчистил записи с камер в рыбацкой деревне, пытаясь присвоить себе те события.

Смешно лишь то, что он надеялся, будто, «спася» Фэн Бэя, заставит его посмотреть на себя другими глазами, но за эти годы Фэн Бэй...

Хэ Жофэн скрежетал зубами от ярости, но ничего не мог поделать. Собравшись с мыслями, он позвал медсестру и, опираясь на нее, вышел из палаты. Палата Хэ Гуанъюня находилась на том же этаже. Правда, Хэ Гуанъюнь был законным наследником клана Хэ, и за ним ухаживали куда

прилежнее, чем за ним самим.

Хэ Жофэн толкнул дверь и, увидев у кровати Хэ Гуанъюня другого мужчину, невольно замер. Он тут же сменил выражение лица на робкое и заискивающе произнес: — Брат.

Чжоу Цзюнь поднял взгляд, окинул Хэ Жофэна оценивающим взглядом и спросил у Се Гуаньцзюня: — Это тот самый братец, что появился в доме на полпути?

Он никогда раньше не видел Хэ Жофэна, а Хэ Гуанъюнь был слишком горд, чтобы распространяться о нем. Поэтому об их вражде Чжоу Цзюнь слышал лишь краем уха. Однако с первой же секунды Хэ Жофэн ему не понравился — раз Гуанъюнь его не жалуется, значит, и он будет его презирать.

Се Гуаньцзюй приподнял веки, взглянул на Хэ Жофэна и вдруг слегка улыбнулся: — Как твои раны? Тебе стало лучше?

Эта забота застала Хэ Жофэна врасплох.

Он стоял в дверях, с сомнением глядя на Хэ Гуанъюня, и не мог поверить, что это тот самый кузен. Хэ Гуанъюнь с детства рос в достатке и не отличался кротким нравом, никогда не жаловал Хэ Жофэна. Хотя внутри у Хэ Жофэна все klokотало от ненависти, внешне ему приходилось изображать слабость, чтобы занимать моральное превосходство.

— Чего застыл? Нога же в бинтах, садись, — снова сказал Се Гуаньцзюй.

Хэ Жофэн нерешительно вошел, но не сел, а завел разговор о другом: — Вчера мама мне звонила...

502 съезвил: «Мама», как складно поет. Кстати, хозяин, как и в прошлых мирах, за «удары по лицу» дают баллы. Ты в прошлый раз прилично потратился, надо бы поднакопить.

Услышав про баллы, Се Гуаньцзюй посмотрел на Хэ Жофэна еще мягче.

Хэ Жофэн почувствовал, как сердце ушло в пятки, и продолжил осторожно: — Она заговорила о наследстве и распределении акций. Сказала, что раз я в клане Хэ столько лет, то мы с тобой теперь одна семья, и мне причитается пятьдесят процентов...

Он говорил это, и на его лице на мгновение промелькнуло притворное раскаяние: — Но, брат, поверь, мне они не нужны. Ты — настоящий сын клана Хэ, а я кто такой? Когда мы с господином Фэном поженимся, я все эти акции передам тебе...

Он прикусил нижнюю губу и опустил глаза.

Се Гуаньцзюй нахмурился.

502 поспешно предупредил: «Брат Се, держись, Фэн Бэй скоро придет, он пытается вывести тебя из себя».

Се Гуаньцзюй: «Разве я из тех, кого так легко разозлить?»

502: «?»

Се Гуаньцзюй приподнял бровь: «Обычно это я вывожу людей из себя».

Чжоу Цзюнь наблюдал со стороны и уже понял, что именно разыгрывает Хэ Жофэн. Обычно сдержанный и обходительный, сейчас он невольно нахмурился и с холодным, пронизывающим взглядом уставился на Хэ Жофэна. Он уже хотел что-то сказать, но Се Гуаньцзюй накрыл его руку своей.

Нажим был слабым, рука даже слегка дрожала.

Чжоу Цзюнь с тревогой взглянул на него и увидел, что Се Гуаньцзюй смотрит в простыню. Его лицо было мертвенно-бледным, челюсти сжаты, словно он из последних сил сдерживал себя, чтобы не сорваться. Но побелевшие кончики пальцев выдавали его боль и страдание.

Он столько лет любил Фэн Бэя, а теперь с ним навсегда останется другой человек. И этот человек сейчас так нагло кичится своим положением, полагаясь лишь на покровительство Фэн Бэя.

Столько лет стараний — и все впустую.

Чжоу Цзюнь не мог видеть, как страдает Хэ Гуанъюнь. Хотя он понимал, что все его радости и печали связаны с другим, он все равно не мог оставаться равнодушным. Стоило лицу Хэ Гуанъюня побледнеть, как Чжоу Цзюнь чувствовал, что его собственная кровь стынет в жилах — его собственная боль смешивалась с болью Хэ Гуанъюня.

Как бы было хорошо, если бы человек, которого так глубоко любит Хэ Гуанъюнь, был он сам.

Он молил об этом не единожды.

Голос Се Гуаньцзюня слегка дрожал: — Ваша свадьба... когда планируете торжество? Кольца... кольца уже выбрали?

Хэ Жофэн ждал, что Хэ Гуанъюнь выйдет из себя и с яростью вышвырнет его вон — тот всегда

был вспыльчивым и не умел скрывать эмоций. Если бы Хэ Гуанъюнь так поступил, он показал бы Фэн Бэю, насколько тот невоспитан и безумен, словно ревнивая баба.

Но он и подумать не мог, что Хэ Гуанъюнь играет лучше него!

Хэ Жофэн тупо смотрел, как глаза Хэ Гуанъюня стремительно наливаются слезами, выглядя при этом столь жалко и трогательно, что он даже забыл, что собирался делать дальше. Черт возьми.

— С чего ты взял, что я женюсь? — дверь распахнулась.

Фэн Бэй стоял в проеме с недовольным лицом и холодно бросил взгляд на Хэ Жофэна. Было очевидно, что тот его раздражает.

Хэ Жофэн вздрогнул, его лицо мгновенно побелело. Он поспешно встал, натянув вынужденную улыбку: — Брат Фэн Бэй, ты пришел? Я... я просто...

Фэн Бэй не обратил на него внимания, и Хэ Жофэну пришлось прикусить язык.

Чжоу Цзюнь встал, его спокойствие как рукой сняло, сменившись вызывающим взглядом, устремленным на Фэн Бэя.

Фэн Бэй прищурился, скользнул по нему взглядом и едва заметно усмехнулся, будто считал ниже своего достоинства соперничать с ним. Он прошел мимо, направляясь к кровати. Высокий и статный, он своей фигурой разом перекрыл весь свет, падавший на лицо Хэ Гуанъюня. Фэн Бэй остановился у изголовья и свысока посмотрел на него, отчего Хэ Гуанъюнь невольно вздрогнул.

Лишь по этой крошечной реакции Чжоу Цзюнь понял, что проиграл — проиграл в пух и прах. Его руки, опущенные вдоль тела, медленно сжались в кулаки.

В воздухе повисло напряжение, дышать стало тяжело.

А Се Гуаньцзюй продолжал свою игру.

Он уткнулся лицом в подушку, и в уголке глаза, что был виден, блеснула непрошенная слеза. В тот миг, когда он услышал от Хэ Жофэна весть о свадьбе, его сердце словно сжалось в комок, перекрыв дыхание. Когда вошел Фэн Бэй, он смог сделать вдох, но не питал больших надежд — даже если Фэн Бэй не женится на Хэ Жофэне, он все равно не будет с ним. В этой бесконечной погоне он постепенно перестал надеяться.

Он уже тысячу раз задавался вопросом: было бы лучше, если бы он не полюбил Фэн Бэя с

самого начала?

Фэн Бэй смотрел на человека в постели, почти чувствуя его подавленность. Все эмоции этого человека — радости и печали — были из-за него. Стоит ли оно того? Если он скажет ему, что тот больше никогда не сможет рисовать, будет ли он его ненавидеть?

От этой мысли Фэн Бэй охватило раздражение.

Он нахмурился, взгляд упал на красные розы у изголовья, и почему-то они показались ему до боли неуместными.

— Выйдите, — бросил он.

Хэ Жофэн, хоть и не хотел уходить, перечить не посмел и, колеблясь, направился к выходу.

Чжоу Цзюнь рассмеялся от злости: — Кто ты такой? Вертишь Гуанъюнем как хочешь, кем ты его считаешь, игрушкой? Говорю тебе, однажды я вырву его из твоих рук...

Не успел он договорить, как из подушки раздался хриплый голос Се Гуаньцзюня: — Чжоу Цзюнь, выйди, пожалуйста.

Чжоу Цзюнь осекся. Его грудь тяжело вздымалась, он бросил на Фэн Бэя яростный взгляд, но в ответ получил лишь насмешку. Хотя она была едва заметной, для Чжоу Цзюня она прозвучала как удар мечом.

Хэ Гуанъюнь попросил его уйти.

Что бы он ни сделал, все меркло перед одним словом Фэн Бэя.

Чжоу Цзюнь внезапно осознал: все, что он только что сказал — про «вертишь как хочешь» и «игрушку» — разве не относилось к нему самому? Как же он смешон! Почему он никогда не может получить то, чего хочет? Однажды он вырвет его... Ха, но разве то, что он вырвет, будет чем-то большим, чем просто жалость Хэ Гуанъюня?

Он вышел из палаты, сжимая кулаки до побелевших костяшек.

Он смотрел на дверь палаты — с этого угла было видно все, что происходит внутри. Вдруг его осенило: почему Хэ Гуанъюнь съел то яблоко, которое он ему предложил? Столько лет знакомы, Хэ Гуанъюнь никогда не переступал черту дружеских отношений, и, съев яблоко, он решил, что тот наконец открыл ему свое сердце.

Но оказалось...

Это было всего лишь использование его, чтобы вызвать ревность у Фэн Бэя.

Очень мило.

Чжоу Цзюнь стоял на месте, закатное солнце, пробивающееся сквозь окно коридора, вытягивало его тень в длинную полосу. Он не шевелился, в глубине его глаз разгоралась буря — жажда, смешанная с безумием от невозможности обладания, превращалась в бездонную пропасть.

502: «Ой, кажется, открылась ветка «очернения» Чжоу Цзюня. Его показатель любви вырос на 5, теперь 95, а показатель очернения — 30».

Се Гуаньцзюй: «...А что будет, если показатель очернения заполнится полностью?»

502: «Пока не знаю, но точно произойдет нечто выходящее из-под контроля, это факт».

Се Гуаньцзюй уже обдумывал подобные риски. В конце концов, в этом мире, кроме Фэн Бэя, все остальные были живыми людьми со своими чувствами. Кто-то радуется, а кто-то страдает. Но он — не настоящий Хэ Гуанъюнь, поэтому не мог ответить на чувства Чжоу Цзюня.

Фэн Бэй достал из кармана пиджака белый МРЗ-плеер и безразлично бросил на тумбочку Се Гуаньцзюня: — Мой помощник нашел его в той разбитой машине. Захватил для тебя. Что за песни у тебя там записаны? Твой вкус оставляет желать лучшего.

Се Гуаньцзюй внезапно заволновался, поднял лицо, и от напряжения его щеки залил румянец: — Ты... ты включал его?

Фэн Бэй усмехнулся и холодно ответил: — Еще чего, просто пролистал список.

Помолчав, он добавил с каменным лицом: — И эти цветы, и журналы — все то же самое, вкус ужасный.

Се Гуаньцзюй подумал: «Ха-ха».

502: «?»

Се Гуаньцзюй: «Явно же переслушал сотню раз, а говорит — не включал. Упрямец. Не разоблачать его — это и есть доброта брата Се».

Фэн Бэй искоса поглядывал на Се Гуаньцзюня, который, кажется, успокоился и тревожно зачихнул плеер под подушку, словно испытывая одновременно облегчение и скрытое разочарование.

Фэн Бэй видел все как на ладони, и в его душе шевельнулось странное чувство. Какая же одержимость должна быть у Хэ Гуанъюня, чтобы десять лет подряд делать одно и то же, словно его собственная жизнь была лишь продолжением жизни Фэн Бэя.

Се Гуаньцзюй заворуженно смотрел на Фэн Бэя, в его глазах на мгновение промелькнуло обожание и любовь — Фэн Бэй это заметил.

Стоило их взглядам встретиться, как Се Гуаньцзюй поспешно отвел глаза, пытаясь успокоиться, и тихо спросил: — Свадьба с Хэ Жофэном... это правда?

Фэн Бэй придвинул стул, сел, сложил руки на груди и с бесстрастным лицом ответил вопросом на вопрос: — А если и правда, что с того? Твоя десятилетняя любовь оказалась не такой уж крепкой, раз ты переключился на запасной вариант по фамилии Чжоу?

Се Гуаньцзюй сначала опешил, а потом не поверил своим ушам: Фэн Бэй... ревнует?

Он не осмелился переспросить, боясь вновь навлечь на себя унижение, но в глубине души разлился неудержимый восторг.

Он боялся, что Фэн Бэй, который так редко заходит, сейчас уйдет, и лихорадочно искал повод его удержать, но был слишком неуклюж, не зная, как угодить. Он оглядел палату и поспешно предложил: — Ты... хочешь яблоко? Почистить тебе?

Он полностью принизил себя, опустившись в самую пыль.

Фэн Бэй смотрел на него, не говоря ни «да», ни «нет».

Этот человек перед ним... он действительно так сильно его любит.

Се Гуаньцзюй быстро выбрался из кровати, взял яблоко и нож, сел у края и, склонившись над урной, принялся осторожно чистить фрукт. В его глазах было нечто благоговейное, словно он хотел создать произведение искусства, чтобы принести его в жертву вместе с собственной душой.

Но...

Се Гуаньцзюй почувствовал неладное: почему правая рука, которой он так ловко рисовал, вдруг не слушается? Нож дрогнул, лезвие скользнуло, и он глубоко порезал большой палец левой руки.

Хлынула кровь.

Се Гуаньцзюй осознал страшное: правая рука затряслась, неконтролируемо и сильно. Нож выпал с резким звоном, яблоко покатилося по полу, брызнув соком.

— Я... что со мной...

Се Гуаньцзюй смотрел на свою дрожащую руку, пытаясь ее унять, но не мог. На лбу выступил пот, он беспомощно поднял глаза на Фэн Бэя: — Моя рука... почему?

Фэн Бэй помолчал, встал. Его правая рука, висевшая вдоль тела, дернулась — он хотел коснуться руки Се Гуаньцзюня, но не решился. Он сглотнул и глухо произнес: — Врачи сказали, что с правой рукой... в быту проблем не будет, но тонкую работу ты больше выполнять не сможешь.

— А рисование...?

Перед глазами Се Гуаньцзюня потемнело. Он смотрел на Фэн Бэя, как утопающий на соломинку, но в ответ получил лишь молчание.

— Почему так... почему?

Се Гуаньцзюй не мог в это поверить. В его жизни, кроме Фэн Бэя, оставалось только рисование. Фэн Бэй был для него недостижим, а теперь небеса решили отобрать и рисование? Он сжал зубы и попытался сжать правую руку в кулак, но пальцы не слушались — сил не было.

Он что... теперь станет калекой?

Что же делать... Се Гуаньцзюй смотрел на свои руки.

Фэн Бэй видел лицо Се Гуаньцзюня, по которому градом текли слезы, видел его отчаяние и беспомощность. Ему было невыносимо тяжело произнести следующие слова: — Операция была проведена слишком поздно.

Се Гуаньцзюй внезапно все понял. Обида и ненависть, затаившиеся в крови, вырвались наружу. Он спас Фэн Бэя, а тот ему не поверил. Он любил Фэн Бэя, а тот его никогда не любил. Но это еще ладно... его губы задрожали, глаза налились кровью, и он прошептал: — Мою руку можно было спасти... значит, изначально можно было... Фэн Бэй, ты понимаешь? У меня был шанс

продолжать рисовать...

А теперь его правая рука больше никогда не возьмет любимую кисть.

— Ты все-таки решил спасти его, да?

— Даже если я больше никогда не смогу рисовать, какое тебе до этого дело?

— Я больше никогда не смогу рисовать, верно?

Каждый вопрос бил по сердцу Фэн Бэя, лишая его дара речи.

На мгновение в ясных глазах Се Гуаньцзюня словно застыл разбитый туман. Он едва держался, но из последних сил откинулся на спинку кровати, пытаясь выглядеть спокойным. Однако голос его сорвался: — Я сегодня устал, иди.

Фэн Бэй пошевелил губами и спустя долгое время кивнул: — Отдыхай.

Он дошел до двери, помедлил и обернулся: — Завтра приду еще.

Но огонек в глазах того, кто лежал на кровати, постепенно гас. Он смотрел на свою правую руку, пытаясь пошевелить пальцами, и слезы неудержимо катились по щекам, глаза были красными, как угли.

Большого отчаяния и быть не могло.

Любить человека много лет, не получить любви взамен, быть вытесненным другим, жить в беспросветной тьме без капли надежды.

А теперь у него отняли и самое любимое дело — рисование, причем отнял тот, кого он любил больше всех.

Се Гуаньцзюй одарил его мучительной улыбкой, усталость на лице уже невозможно было скрыть. Печаль и отчаяние в его глазах перекрыли когда-то пылкую любовь.

Фэн Бэй почувствовал странный испуг, словно терял что-то важное. Нет, этого не может быть, этот человек так сильно его любит, он не остановится.

В то же время Се Гуаньцзюй услышал 502: «Брат Се, о боже, показатель симпатии объекта повысился на 30!!!»

Се Гуаньцзюй с пустым взглядом смотрел в окно и мысленно ответил 502: «Хм, неплохо. Вечером закажем шашлыки, отпразднуем».

4. Русалка

Солнечный свет падал из панорамного окна на красивый профиль Фэн Бэя. Он изучал документы по сделке в порту, но его взгляд был неподвижен, и он не переворачивал страницы уже долгое время. Отраженный от бумаги свет падал на его лицо, делая выражение холодным и растерянным.

Помощник осторожно напомнил: — Господин Фэн, господин Фэн...?

Руководители отделов, ожидавшие решения Фэн Бэя, переглянулись. Это было крайне странно!

<http://bllate.org/book/18587/1790307>